

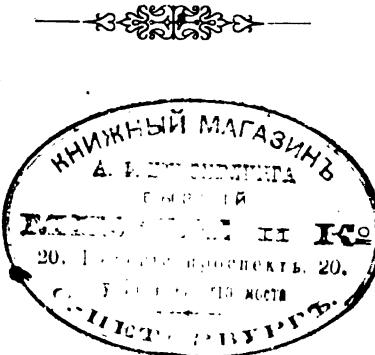
ДОГМА РИМСКАГО ПРАВА.

ЛЕКЦИИ

профессора В. В. ЕФИМОВА.

Vasili Vladimirovich Efimov

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

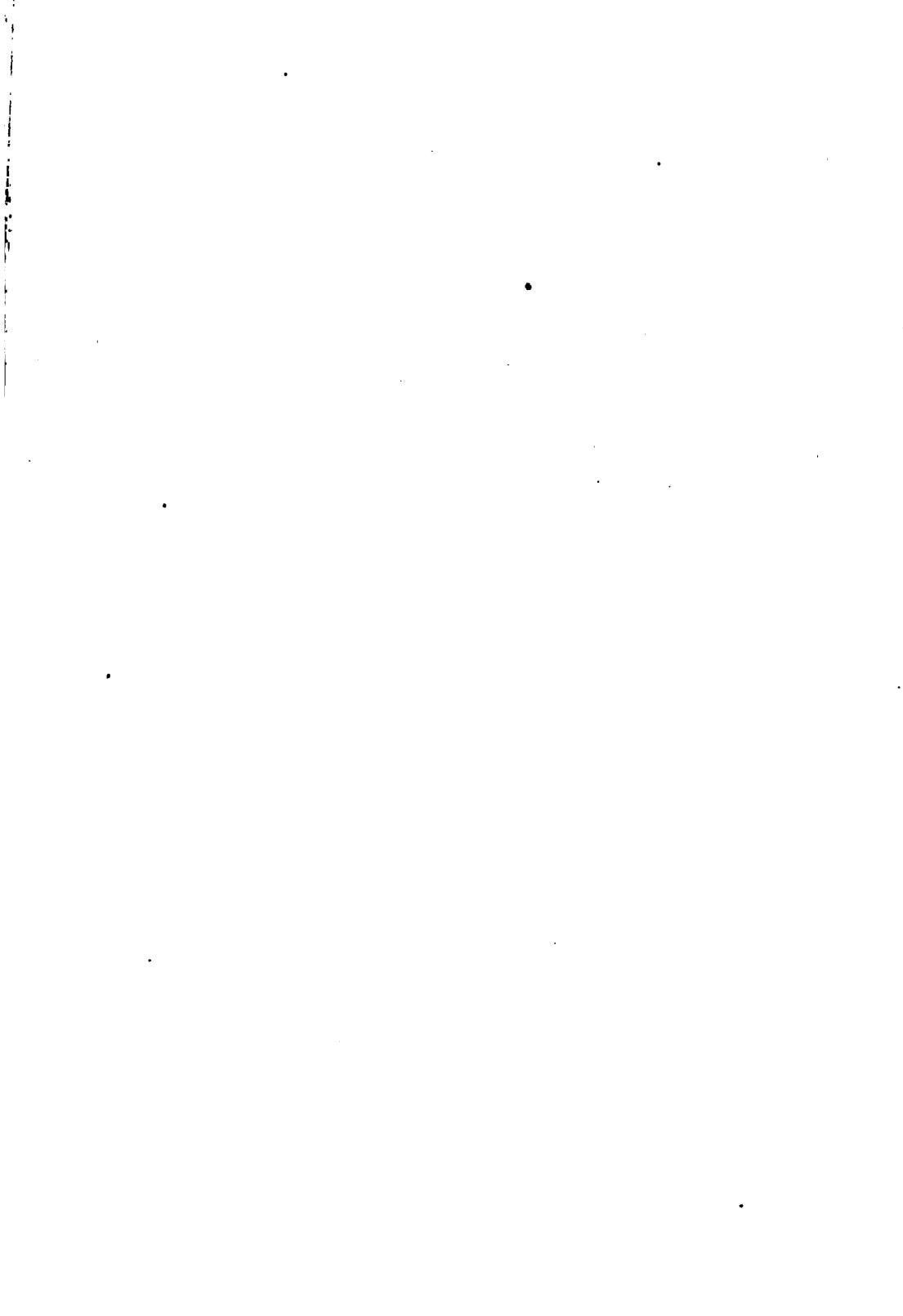
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. С. Балашева и К°, Екатерининскій кан., д. № 80.
1894.

По общепринятой нынѣ (Гуго-Гейзевой) системѣ изложенія, особенную часть доктрины римского права образуютъ особые институты гражданскаго права: вещнаго, обязательственнаго, семейнаго и наследственнаго права. Такимъ образомъ, особенцая часть доктрины распадается на четыре раздѣла.

I.

Вещное право.

Ученіе о вещномъ правѣ (въ его институтахъ) обнимаетъ множество юридическихъ отношеній, въ которыхъ имѣется то общее, что у всѣхъ у нихъ на первый планъ выступаетъ не столько отношеніе управомоченнаго къ обязанному, сколько его отношеніе къ вещи, какъ предмету правомочія. Въ сущности, элементы вещныхъ и обязательственныхъ правъ одни и тѣ-же: тутъ и тамъ субъекты съ обѣихъ сторонъ, изъ которыхъ одинъ имѣеть правомочіе, а другой несетъ обязанность, тутъ и тамъ—опредѣленный предметъ, гражданское благо. Напримѣръ, одни и тѣ-же элементы какъ въ томъ вещномъ правѣ, которое называется римлянами узуфруктомъ, такъ и въ томъ обязательствѣ, которое именуется ссудой (*commodatum*): въ обоихъ примѣрахъ съ одной стороны — хозяинъ вещи, а съ другой — одинаково пользующійся одною и тою-же вещью. Но когда юристъ мыслить такое тѣсное отношеніе къ вещи пользующагося ею, въ которомъ личность хозяина игнорируется (такъ что пользованіе допускается непрерывающимся, хотя-бы вещь переходила къ разнымъ хозяевамъ), тогда юристъ разумѣть узуфруктъ. Если-же онъ связываетъ предоставленное пользованіе съ известными лишь субъектами (такъ что, напримѣръ, съ перемѣнной хозяина прерывается пользованіе), въ такомъ случаѣ юристъ разумѣть ссуду.

Въ вещномъ правѣ значеніе вещи, какъ объекта, не отпадающаго отъ субъекта на столько существенно, что вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вещи прерывается и вещное право. Правда, иногда, взамѣнъ вещнаго, рождается другое, обязательственное право: напримѣръ, право собственника на вещь превращается въ право на вознагражденіе за утраченную вещь. Но самое вещное право все-же болѣе не существуетъ¹⁾). Не

¹⁾ Неразрывная связь права съ судьбой вещи была причиной того, что юристы помѣщали самое полное изъ вещныхъ правъ, право собственности, среди тѣлесныхъ вещей (*res corporales*). Тутъ они объектъ данного юридического отношенія принимали за самое отношеніе. Ср. лекціи по общей части, 1893, стр. 101.

то значеніе объекта въ обязательственномъ правѣ, въ кото-
ромъ рѣдко долговое требование прекращается съ потерей
вещи; напримѣръ, не прерывается обязательственное отно-
шеніе ссудопринимателя, уничтожившаго предметъ ссуды: онъ
обязанъ возмѣстить ущербъ хозяина. За то въ обязательствен-
ныхъ отношеніяхъ обѣ стороны стоять на виду: особенно,
личность должника заранѣе известна кредитору. Этого нѣть,
какъ мы уже сказали, въ вещномъ правѣ; при наличности
данного права нельзѧ указать на отвѣтствующее лицо: *quicunque possidens*—всякий, *кто бы то ни былъ*, владѣющій чужою
вещью—вотъ, кто отвѣчаетъ предъ собственникомъ.

Въ классификаціи вещныхъ правъ современные циви-
листы отправляются, отъ двухъ свойствъ отношенія вещи къ
субъекту, не безъизвѣстныхъ и римскому праву: принадлеж-
ности (*res mea est ex iure Quiritium*) и служебности вещи
(*res servit, servitus*). Самое полное выраженіе принадлежно-
сти есть право на свою вещь, право собственности: тотъ,
кому вещь вполнѣ принадлежитъ, воленъ къ ней всячески
относиться, поскольку не ограничено ея служебностью. Про-
явленіе служебности какъ другого, противоположного свой-
ства отношенія, представляетъ право на чужую вещь, серви-
тутъ (вещь собственника служитъ потребности управомочен-
наго на сервитутъ; таковы, напримѣръ, дорожный, водный
сервитуты). Кромѣ того, есть еще третій родъ отношенія
субъекта къ вещи, отчасти привходящій въ право на свою
и на чужую вещь, отчасти имѣющей самостоятельную судьбу.
Это—владѣніе. Съ него принято начинать ученіе о вещномъ
правѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Владѣніе.

Главными источниками служатъ: 1) Dig. lib. 41 tit. 2: de acquirenda et amittenda possessione; Cod. lib. 7 tit. 32: de acquirenda et retinenda possessione; 2) Inst. Gai, 4, 138—170; Inst. Iust. 4, 15; Dig. lib. 43; Cod. lib. 8 tit. 1—9 (de interdictis).

Литература — особенно, вѣмецкая — очень велика. Можно сказать, рѣдкій годъ проходить безъ того, чтобы не появлялось новой монографіи о владѣніи. Такихъ работъ въ нѣмецкой литературѣ 60-хъ годовъ насчитывалось болѣе полутораста; теперь ихъ, навѣрно, болѣе двухъ сотъ. Почти всѣ выдающіеся германскіе романисты пробовали силы на ученіи о владѣніи. Савинъ началъ свою литературную дѣятельность знаменитымъ сочиненіемъ: das Recht des Besitzes, 1806 (7 изданіе Рудорфа, 1867), Іерингъ ее завершилъ послѣднимъ большимъ трудомъ: der Besitzwille (1889), прославившись еще значительно ранѣе того работой: *uber den Grund des Besitzschutzes* 1868 (есть русскій переводъ: объ основаніи защиты владѣнія). Извѣстностью пользуются два труда Брунса: 1) das Recht des Besitzes im Mittelalter und in Gegenwart, 1848; 2) die Besitzklagen, 1874 (критика теоріи Іеринга). Также хорошо была принята работа Randa, der Besitz nach österreichischem Recht etc., 3 изд. 1879.

Великая заслуга Савинъ, даровитаго автора-юноши 24 лѣтъ, заключается, коротко говоря, въ томъ, что изъ множества разнообразныхъ признаковъ и послѣдствій владѣнія, среди которыхъ предшествующая литература смѣшивала въ общей массѣ существенные и несущественные черты, — онъ выдѣлилъ двѣ характерныя особенности (давностное владѣніе даетъ право собственности, владѣніе охраняется интердик-

тами), поставилъ ученіе на философскую почву (почему защищается владѣніе?) и сдѣлалъ попытку исторического объясненія. Но выводы Савини не безспорны. И вотъ, лавры, увѣчившіе его, издавна привлекаютъ многихъ романистовъ къ ученію о владѣніи, сравнительно скучно и во многомъ противорѣчivo освѣщенному римскими источниками. Кроме названныхъ трудовъ еще появляются: *Duncker, die Besitzklage; Meischeder, Besitz; Liebe, der Besitz etc; Bekker, d. Recht des Besitzes; Pininsky, der Thatbestand des Sachbesitzerwerbs; Dernburg, Entwicklung und Begriff d. iurist. Besitzes*, и мн. др.

На французскомъ языке: *Molitor, la possession*, 2 изд. 1874, *van Weiter, traité de la possession*, 1868.

Теорія Савини съ добавленіями Рудорфа нашла въ нашей литературѣ послѣдователя, проф. *Морошина* (разсужденіе о владѣніи, 1838). Затѣмъ, первая серьезная оппозиція взгляду Савини со стороны остроумнаго діалектика *Ганса* (*über die Grundlage des Rechts des Besitzes*, 1837) тогда-же отразилась у насъ въ небольшомъ трудѣ *Кавелина*: о теоріяхъ владѣнія (1841). Далѣе, къ недавней теоріи Іеринга, живо и увлекательно изложенной въ его «основанія защиты владѣнія», полной подкупающаго реализма, присоединился и съ своей стороны комментировалъ *Муромцевъ* (очерки общей теоріи права 1887) ¹⁾). Наконецъ, отрицательное отношение къ самостоятельной постановкѣ ученія о владѣніи находимъ въ брошюре *Громеки*, опытъ критического изслѣдованія нѣмецкихъ теорій о владѣніи, 1889.

Общіе и основные вопросы о владѣніи группируются такимъ образомъ: 1) о природѣ владѣнія, 2) о владѣніи, какъ юридическомъ отношеніи, 3) о защитѣ, 4) видахъ владѣнія.

Отдѣль первый. Природа владѣнія.

Мы сказали, что отличительнымъ признакомъ вещнаго права является постановка на первое мѣсто отношенія къ вещи управомоченного на нее. Отношеніе къ вещи, при которомъ человѣкъ непосредственно охватываетъ, на самомъ дѣлѣ держитъ въ рукахъ вещь, называется владѣніемъ въ естественномъ значеніи (*naturaliter*). Такъ, прежде всего и опре-

¹⁾ Впрочемъ, въ позднѣйшемъ труде (d. *Besitzwille* 1889) Іерингъ существенно отступаетъ отъ ранѣе развитой имъ теоріи. Ср. *Kunze, z. Besitzlehre, für und wieder R. Ihering*, 1890.

дѣляютъ владѣніе (*possessio*, *хатохъ*) римскіе юристы, Лабеонъ и Павель (fr. 1 pr. D 41, 2): *possessio appellata est, ut et Labeo ait, a sedibus, quasi positio, quia naturaliter tenetur ab eo, qui ei insistit, quam Graeci хатохъ dicunt.* Въ настоящемъ опредѣлениі подъ словомъ владѣніе наглядно изображается самое явленіе природы: связь человѣка съ вещью, пребываніе его на вещи (*sedes*) или надъ вещью (*positio*), ея держаніе (*naturaliter tenetur*). Теперь такое физическое отношение къ вещи называется технически обладаніемъ или держаніемъ (*detentio*). Детенторомъ, напримѣръ, можно назвать и узурпатора или нанимателя, пользующихся вещью, и хранителя, ее оберегающаго, и т. под. субъектовъ.

Но кромѣ этого природнаго (неюридического) значенія, *possessio*, владѣніе, имѣетъ еще юридическое значеніе. Владѣніемъ въ этомъ значеніи называется такое отношение къ вещи, которое рождаетъ юридическая послѣдствія. Напримѣръ, при помоши владѣнія въ теченіе извѣстнаго времени приобрѣтается право собственности, съ момента овладѣнія плоды (*fructus percepti*) поступаютъ въ собственность узурпатора, *traditio* совершается передачей владѣнія и т. под. Среди многихъ послѣдствій одно сообщаетъ владѣнію своеобразный, самостоятельный характеръ, рѣзко отличающій его отъ другихъ юридическихъ отношеній. Это — *интердиктъ*, какъ средство охраны владѣнія. На этомъ основаніи владѣніемъ въ юридическомъ значеніи называется такое отношение къ вещи, которое въ римскомъ правѣ защищается интердиктами.

Различіе между *detentio*, обладаніемъ (владѣніемъ въ физическомъ значеніи), и *possessio*, владѣніемъ въ смыслѣ юридического отношения, очень существенно. Напримѣръ, обладаніе продолжается, пока не прекращается естественная связь человѣка съ вещью (пока жилецъ живеть въ квартирѣ, пока морозъ не прогонить запоздавшаго дачника и т. д.); владѣніе-же и при временномъ затрудненіи доступа къ вещи не прекращается (юридический владѣлецъ, какъ и собственникъ ея, остается таковымъ и съжною зимою), а когда отношение къ вещи насилино прерывается (разбойники выгоняютъ владѣльца), тогда *possessor* обращается къ судебной защитѣ интердиктами, къ чemu не можетъ прибѣгнуть *detentor*¹⁾.

¹⁾ Терминология источниками прочно не установлена. То, что нынѣ называется обладаніемъ (*detentio*), выражается словами: *in possessione esse, tenere, sorgore rem contingere, etc.* Владѣніе, какъ юридическое

Въ дальнѣйшемъ, говоря о possessio, коснемся вопросовъ: А) римской конструкціи, Б) вопроса о томъ, фактъ или право— владѣрѣ? В) юридическихъ послѣдствій его.

А) *Конструкція владѣнія*. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ источниковъ указывается на два элемента, которые должны вмѣстѣ встрѣчаться въ полномъ составѣ владѣнія, какъ юридического отношенія: *sorsus* и *animus*. — *Sorsus*—тѣло, оболочка владѣнія. Подъ *sorsus*, т. е., внѣшней стороной владѣнія разумѣется все то, въ чемъ выражается *animus*,—душа владѣнія,—внутренняя сторона въ смыслѣ отношенія къ вещи, исключающаго отношеніе къ ней со стороны другихъ лицъ. Нерѣдко употребляя два данныхъ слова для обозначенія двухъ элементовъ владѣнія¹⁾, римскіе юристы очевидно, рисовали въ своемъ воображеніи владѣніе, какъ тѣсное соприкосновеніе человѣка съ вещью, въ видѣ одушевленной юридической фигуры. При этомъ, словомъ *sorsus* они какъ-бы обозначали единство, сліяніе тѣлесной природы человѣка съ той окружющей природой, которою онъ владѣеть. Но только благодаря *animus*, присущему лишь одному человѣку, послѣдній овладѣваетъ природой, сливаются съ ней въ одно мыслимое цѣлое (въ одну юридическую фигуру) до того безраздѣльно, что гражданское общество объявляетъ на пельзу его интересы, запреты другимъ людямъ нарушать данное юридическое сліяніе. Владѣніе въ этой конструкціи есть живая и жизненная, никакъ не фантастичная фигура. Одинъ *sorsus*, sine animo, не даетъ живой фигуры; значитъ, онъ не даетъ и владѣнія. Безумный и пупилъ (необладающій интеллектомъ), какъ буквально говорить fr. 1 § 3 D 41. 2,—не могутъ начать владѣніе, такъ какъ у нихъ нѣть affectionem tenendi, хотя-бы они вполнѣ соприкасались съ вещью тѣломъ своимъ,—на подобіе того, какъ кѣмъ-либо было положено

отношеніе, обозначается: *civiliter possidere*, *possessio*, *civilis possessio*, etc. Кстати сказать, въ отношеніи термина владѣнія замѣчается смѣшаніе, подобное словоупотребленію относительно права собственности. Какъ слово: собственность означаетъ на обыденномъ языкѣ и право и предметъ права собственности, такъ и *possessio* выражаетъ самое право и иногда одинъ предметъ вещнаго права (fr. 78 D. 50. 16:—qui possessio nes suas legasset, тутъ владѣніе, какъ иногда и по-русски, принято въ смыслѣ имѣнія).

¹⁾ Напр., fr. 8 D. 41. 2: quemadmodum nulla possessio aequiri nisi animo et corpore potest, ita nulla amittitur, nisi in qua utrumque in contrarium actum est.

что-либо въ руки слащааго. Но съ другой стороны, строго говоря, и *solutus animus*, одинъ мыслимый духъ владѣнія, не воплотившійся въ *sorgus possessionis*, не получаетъ реального бытія; онъ остается въ области фантазіи. Ни въ чёмъ не воплотившійся *animus* есть мечта, *pium desiderium*.

Ближе говоря, *sorgus* есть все то, въ чёмъ выражается возможность отношения къ вещи, поскольку эта возможность признается гражданскимъ обществомъ. Нѣть нужды непремѣнно требовать физической возможности; она можетъ быть и только психической, нравственной (допускаемой правомъ). Если въ отсутствіи покупателя доставляютъ товаръ на домъ его, владѣніе имъ тотчасъ начинается: И доколѣ *sorgus*, т. е., возможность отношения къ вещи не считается окончательно утраченной, не смотря на временное отдаленіе вещи, до тѣхъ поръ не теряется владѣніе. Я позабылъ, куда положилъ книгу, все-же я продолжаю считаться владѣльцемъ.

Не такъ просто опредѣляется *animus*. Въ источникахъ (особенно, въ двухъ фрагментахъ Павла, fr. 1 § 20 D 41. 2 и fr. 37 D 13. 7) упоминается объ *animus possidendi*, но ближайшаго опредѣленія этого *animus* не имѣется. Со времени Савинъя принято понимать подъ *animus possidendi* желаніе или намѣреніе владѣльца исключительно самому господствовать надъ вещью. Иначе это желаніе выражаютъ описательно словами: *animus rem sibi habendi*. Присутствіемъ настоящаго желанія, какъ говорятъ, владѣлецъ отличается отъ обладателя (*detentor*). У обладателя-нанимателя, узуфруктуара и т. д. — нѣть данного желанія: вещь находится въ его рукахъ отъ имени хозяина вещи, *alieno nomine*. Хозяинъ продолжаетъ быть владѣльцемъ, у него и остается *animus rem sibi habendi*, а обладатель держитъ вещь по волѣ хозяина. Воля (*animus*) владѣльца есть его собственная, природная воля; воля обладателя — искусственная, заимствованная отъ чужой воли. Такимъ образомъ, когда хозяинъ во-преки договору гонитъ жильца, отношение къ вещи послѣдняго не защищается какъ владѣніе (интердиктами). По настоящему взгляду выходитъ такъ, что обладаніе (*detentio*) всегда совершается *alieno nomine*, а владѣніе представляетъ собою *detentio suo nomine*¹⁾.

¹⁾ Многие писатели называютъ *animus rem sibi habendi* словами:

Противъ различія обладанія suo поміже отъ обладанія alieno nomine возражаютъ тѣмъ, что и у обладателя (детентора), какъ указываютъ, можетъ быть своя воля, свое желаніе, независимое отъ желанія владѣльца — animus tenendi (fr. 1 § 2 D 41. 2); detentor даже охраняется посредствомъ actio iniuriarum противъ 3-хъ лицъ. Такимъ образомъ, подъ animus possidendi приходится понимать самостоятельное, своеобразное желаніе, именно, владѣльца владѣть вещью для самого себя и тѣмъ самымъ исключать отношеніе къ ней постороннихъ лицъ. Дѣло, вотъ, въ чёмъ.

Въ жизни ведется непрестанная борьба изъ-за принадлежности вещей. Принадлежность вещи есть извѣстное свойство отношенія ея къ человѣку. Полная принадлежность, въ силу которой вещь такъ тѣсно сливается съ человѣкомъ, что гражданское общество признаетъ такое слияніе неразрывнымъ, составляетъ право собственности. Оно есть высшая степень усвоенія вещи (въложенія въ свое, неразрывное цѣлое), вполнѣ неотъемлемое усвоеніе. Прямую противоположность праву собственности образуетъ обладаніе, detentio; оно есть отъемлемое отношеніе къ вещи, отношеніе къ вещи безъ усвоенія ея (собственникъ получаетъ обратно ссуду и т. д.). Владѣніе занимаетъ среднее мѣсто,¹⁾ ибо оно можетъ быть и неотъемлемымъ усвоеніемъ (таково, напримѣръ, владѣніе неизвѣстно кому принадлежащей вещью). Затѣмъ, разъ detentio отъемлема, animus обладателя (въ смыслѣ усвоенія) не имѣть юридического значенія; съ нимъ не спрашиваются, его проявленія не ищутъ римские юристы. Другое дѣло владѣніе; на проявленіе animus possidendi было обращено вниманіе въ виду возможной неотъемлемости вещи и самостоятельной охраны ея. И вотъ, для сужденія о detentio достаточно согрис (вишней стороны обладанія), для сужденія о владѣніи съ его послѣдствіями необходимо удостовѣрить согрис и animus. Отсюда такая римская конструкція: обладаніе есть одно тѣлесное отношеніе къ вещи, владѣніе же есть тѣлесное и духовное отношеніе. Оно есть воплощенное усвоеніе.

Б) *Фактъ или право владѣніе?* Это чисто-теоретический

animus domini — желаніемъ владѣльца вести себя въ отношеніи вещи такъ, какъ поступаетъ касательно нея собственникъ. Но въ римскихъ источникахъ вѣтъ словъ: animus domini. Они взяты изъ парофразъ Феофила (ad § 2 Inst. 3. 28): φυγὴ δεσπόζοντος.

вопросъ, поставленный Савини. До Савини занимались практической стороной владѣнія. На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Вотъ, какія, вообще, соображенія приводятся въ литературѣ нашего вѣка.

Владѣніе есть фактъ, по мнѣнію очень многихъ писателей: Савини, Ранда, и др., — потому что оно защищается, будучи даже неправомѣрнымъ, недобросовѣстнымъ. Такъ, защищается владѣніе вора; значитъ, защищается одинъ фактъ. Кромѣ того, при коллизіи съ полнымъ вещественнымъ правомъ, правомъ собственности, владѣніе должно уступить послѣднему.

Владѣніе есть право, утверждаютъ другие: Гансъ, Иерингъ, Брунсь и т. д., ибо оно охраняется средствами судебнаго защищины. Оно есть, именно, юридическое отношеніе. И воръ, какъ владѣлецъ, имѣть право. Онъ охраняется противъ посягательства 3-хъ лицъ (не собственника) на его владѣніе. А что владѣніе при коллизіи должно уступить другому праву, въ томъ нѣтъ ничего противнаго праву.

Мало того, есть писатели, называющіе владѣніе одновременно фактомъ и юридическимъ отношеніемъ (Виндшайдъ), фактомъ съ юридическими послѣдствіями, фактомъ и правомъ.

Данный вопросъ — несамостоятеленъ; онъ зависитъ отъ другого, болѣе общаго — что понимать подъ правомъ. Тѣ, которые довольствуются определеніемъ права въ смыслѣ (юридического) отношенія, защищаемаго судомъ, понимаютъ владѣніе, какъ право. Другие, не довольствуясь помянутымъ признакомъ права, видя въ правѣ что-то особое отъ юридического отношенія, вѣ милятъ съ признаніемъ за воромъ права на владѣніе¹⁾. Что говорили римскіе юристы?

Римскіе юристы ребромъ вопроса не ставили. Въ отдаленныхъ же случаяхъ въ источникахъ встрѣчаются намеки на тройкое решеніе вопроса, изъ которыхъ образовались три взгляда въ современной литературѣ: владѣніе — фактъ²⁾, владѣніе — право³⁾, владѣніе — отчасти фактъ, отчасти право⁴⁾.

¹⁾ Если, держась въ настоящемъ спорѣ реального взгляда на право, подъ правомъ разумѣть отношеніе, приспособленное къ требованіямъ общежитія, владѣніе придется признать правомъ, потому что и отношеніе вора (его держаніе, пользованіе и т. д.) считается въ общежитіи допустимымъ, не только въ глазахъ постороннихъ, но и даже собственника, когда послѣднему затруднительно доказать свое право.

²⁾ Fr. 1 § 3. D. 41. 2 (Павель): — eam enim rem facti non iuris esse Fr. 19 D. 4. 6 (Папиньянъ): — possessio autem plurimum facti habet.

³⁾ Fr. 49 D. 41. 2: possessio plurimum ex iure mutuatur.

⁴⁾ L. 10 C. 7. 32: nemo ambigit, possessionis duplum esse rationem, aliam, quae iure consistit, aliam, quae corpore, etc.

На нашъ взглядъ, то обстоятельство, что римскіе юристы не признавали рѣшительно и постоянно владѣніе правомъ, объясняется отчасти такимъ соображеніемъ. Но существу, владѣніе есть нечто реальное и относительное: для защиты его требуется, напримѣръ, одинъ фактъ владѣнія въ теченіе большей части года (*interdictum utrubi*); владѣлецъ-отвѣтчикъ въ процессѣ о правѣ собственности теряетъ свое право въ пользу истца и т. под. Подъ правомъ-же разумѣлось у юристовъ нечто идеальное: доброе и справедливое (*ius est ars boni et aequi*, fr. 1. § 1 D 1. 1). И вотъ, юристы, буквально провозглашавшіе: справедливо или несправедливо владѣніе, это совсѣмъ несущественно въ дѣлѣ защиты его (fr. 2 D 43. 17: *iusta enim an iniusta adversus ceteros possessio sit, in hoc interdicto nihil refert*), — вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшались постоянно объявлять владѣніе полнымъ *ius*, за отсутствіемъ въ немъ иной разъ элемента справедливости (въ случаѣ недобросовѣтнаго владѣнія, владѣнія краденымъ и т. под.¹⁾).

В) *Юридическія послѣдствія владѣнія*. Послѣдствіе владѣнія въ юридическомъ значеніи принято называть, согласно словамъ источниковъ, *ius possessionis*. Такихъ послѣдствій множество. Литература до Савинъ ихъ набирала болѣе 70. Напримѣръ, владѣніе *res nullius* даетъ право собственности, традиціей переносится владѣніе и т. д. Всѣ отношенія, въ которыхъ приводятъ владѣніе съ послѣдствіями, могутъ быть раздѣлены на 2 группы. Въ первую группу войдутъ отношенія, въ которыхъ владѣніе не исключительное условіе; тутъ оно помѣщается вмѣстѣ съ другими требованіями: для традиціи необходима еще *iusta causa traditionis*, оккупация сообщаетъ владѣніе, какъ элементъ права собственности (которая приобрѣтается вмѣстѣ со владѣніемъ). Во второй группѣ найдутъ себѣ мѣсто отношенія, гдѣ владѣніе обладаетъ исключительно ему присущими послѣдствіями Савинъ называлъ два такихъ послѣдствія: приобрѣтательную давность (*usuariо*) и интердикты. Но давность, на строгую повѣрку, сюда

¹⁾ Чтобы выйти изъ этой дилеммы, должно отличать право въ реальномъ смыслѣ, въ смыслѣ юридического отношенія, отъ права въ идеальномъ смыслѣ, какъ силы общественной природы человѣка (ср. общ. част., стр. 128). Владѣніе, несомнѣнно, есть юридическое отношеніе, ибо имѣть юридическія послѣдствія. И въ качествѣ юридического отношенія, владѣніе можетъ быть названо правомъ въ субъективномъ смыслѣ или правомочіемъ, такъ какъ юридическое отношеніе состоить изъ правомочія и обязанности. Но не всегда право и правомочіе совпадаютъ; поэтому владѣніе не тождественно съ правомъ въ идеальномъ значеніи.

не подходитъ, потому что, кромъ possessio, еще требуется titulus и bona fides. Ей мѣсто въ первой группѣ. Остается одно исключительное послѣдствіе — интердикты. Владѣніе, какъ особый институтъ, и есть, именно, интердиктное владѣніе.

Отдѣль второй. Владѣніе, какъ юридическое отношеніе.

Владѣніе, какъ юридическое отношеніе, разсматривается по субъектамъ и объекту его, съ точки зренія пріобрѣтенія и прекращенія его.

А) Субъектами владѣнія могутъ быть всѣ правоспособныя лица (лица способныя пріобрѣтать вещныя права, право собственности), и физическая и юридическая.

Если физическое лицо недѣеспособно — будь-то ребенокъ, сумасшедший — владѣніе за ними все-же признается; а осуществленіе его совершается чрезъ опекуновъ или попечителей. Только за подвластными дѣтьми доклассическое право не допускающее никакихъ имущественныхъ правъ, не признавало и владѣнія (49 § 1 D 41. 2); но классические и позднѣйшіе законодатели, признавшіе самостоятельное право дѣтей въ peculium castrense, quasi-castrense и bona adventicia, допустили въ нихъ и владѣніе (такъ что ограниченіе сохранилось только относительно peculium profectisium, принадлежащаго домовладыкъ). Рабы, не имѣвшіе никакихъ правъ, не имѣли права владѣнія.

Юридическая лица, какъ субъекты производной правоспособности, получаютъ отъ законодателя право владѣнія (fr. 1 § 2. D 41. 2: municipes per se nihil possidere possunt, — fr. 2 D 41. 2: sed hoc iure utimur, ut et possidere — municipes possint). Осуществленіе владѣнія совершается при помощи органовъ юридического лица (per servum, — per liberam personam, ibid.).

Какъ быть, когда сходятся нѣсколько владѣльцевъ на одну и ту-же вещь? Тутъ допускается владѣніе въ определенныхъ недѣлимыхъ частяхъ (pro partibus indivisis — напр., въ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ общаго имѣнія). Но не допускается одновременное владѣніе каждого изъ совладѣльцевъ цѣлою вещью — compossessio plurium in solidum. Послѣднее положеніе такъ наглядно поясняется Павломъ (fr. 3 § 5 D 41. 2): нѣсколько субъектовъ не могутъ владѣть одною и тою-же вещью цѣликомъ, какъ видимо, ты не можешь стоять тамъ, гдѣ я стою, си-